

ЭДМУНД ФЕЛПС – НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ 2006

Эдмунд Фелпс удостоен Нобелевской премии по экономике за вклад в макроэкономические исследования взаимосвязи инфляции и безработицы. Выбор Нобелевского Комитета неисповедим, но это один из тех случаев, когда решение о награждении явно запоздало на пару десятилетий. Фелпс является, вне всяких сомнений, одним из столпов современной экономической мысли, такого же уровня, как Милтон Фридмен, чей научный вклад был отмечен высшей наградой ровно 30 лет тому назад. Оба они считаются предтечами «революции рациональных ожиданий» и новой макроэкономики. Они заложили идейный фундамент данного течения, занявшего доминирующее положение в мировой экономической науке 80-х годов, и по сей день имеющего большое влияние. Упомянем еще трех нобелевских лауреатов, являющихся прямыми последователями Фридмена и Фелпса: Роберт Лукас, Финн Кидланд и Эдвард Прескотт.

Золотое правило

К основополагающим заслугам Фелпса можно отнести, во-первых, вклад в создание неоклассической теории экономического роста, и, во-вторых, ответ на вопрос о связи инфляции и безработицы. Нобелевской премией был отмечено второе, но все же стоит сказать несколько слов о вкладе Фелпса в теорию роста.

В начале 60-х годов он сформулировал так называемое «золотое правило» накопления капитала. Вопрос заключался в том, при каком темпе накопления экономика выходит на оптимальный режим потребления в долговременной перспективе. Согласно золотому правилу, отдача на капитал должна равняться затратам на его воспроизводство. Только тогда обеспечивается оптимальный уровень потребления домохозяйств: превышение отдачи над затратами свидетельствует о недостатке инвестиций и наоборот. Такой, на первый взгляд, простой принцип равенства затрат и результатов, является в экономике универсальным. Заслуга Фелпса в том, что он сформулировал и обосновал его в динамическом контексте. Все современные модели экономического роста используют тот же самый принцип в качестве ключевого условия оптимальности.

Золотое правило оказалось важным для экономической политики. Во-первых, в послевоенное время во многих странах был актуален вопрос об оптимальной норме накопления капитала. Какую долю ВВП следовало инвестировать, чтобы обеспечить оптимальный уровень потребления на длительном временном горизонте? Фелпс дал четкий ответ, позволявший судить об эффективности того или иного режима роста. Из

золотого правила, например, вытекало, что Советский Союз, имевший к началу 60-х неплохую динамику, на самом деле обеспечивал ее за счет избыточной нормы накопления. Дополнительные затраты существенно перекрывали отдачу на капитал, что свидетельствовало о неэффективности роста в «золотую эпоху» социализма. Во-вторых, применение правила Фелпса на уровне домохозяйств позволяет определить оптимальные принципы налогообложения. Например, налог на потребление оказывается нейтральным по отношению к данному правилу, то есть не влияет на норму сбережений. В этом отношении такой налог (а его практическим воплощением является налог с розничных продаж) намного предпочтительнее налогов на доходы, в особенности от капитала.

Мифическая кривая Филлипса

Вернемся к проблеме, за которую Фелпс, собственно и был удостоен награды, – взаимосвязи инфляции и безработицы. Соотношение этих величин было и остается ключевым для макроэкономической политики государства. После второй мировой войны господствовала радикальная кейнсианская парадигма. Считалось что, управляя агрегированным спросом с помощью налогово-бюджетных мер, государство способно без каких-либо последствий обеспечивать полную занятость. В 50-е годы возобладал более умеренный некейнсианский подход, признававший, что, управляя спросом, следует все же учитывать инфляционные эффекты. Обратная зависимость безработицы и инфляции выражалась известной кривой Филлипса и означала возможность компромисса между достижением нужного уровня занятости и поддержанием стабильного уровня цен. Казалось, что и тем и другим можно легко управлять, соизмеряя относительные выгоды и потери. Поэтому к началу 60-х годов кривая Филлипса стала основным идейным инструментом макроэкономического управления. Однако выражаемая ею связь не имела никаких теоретических оснований, и, как выяснилось позднее, не отражала устойчивой эмпирической закономерности.

С жесткой критикой макроэкономической политики, основанной на кривой Филлипса, выступили Эдмунд Фелпс в 1967 г. и годом позже – Милтон Фридман. Их главный теоретический козырь заключался в том, что экономические игроки просчитывают наперед действия властей, а не следуют некоторому заданному образу действий. В кейнсианские макромоделли закладывалось именно такие механистические предположения о поведении участников. В реальности, действуя рациональным образом, фирмы и профсоюзы устанавливают номинальные ставки оплаты труда с учетом ожидаемых стимулирующих мер, сводя их в конечном итоге на нет. Устойчивой связи между безработицей и инфляцией не может существовать в принципе, поскольку

последняя определяется инфляционными ожиданиями, в которых учтены намерения властей по снижению безработицы. Такая аргументация позволила объяснить неэффективность антициклического управления агрегированным спросом и предсказать феномен стагфляции 70-х годов.

В этой связи максимум, на что могло рассчитывать государство, это снижение безработицы до так называемого естественного уровня (5-6%), ниже которого начинают разворачиваться инфляционные процессы. В такой ситуации основной целью антициклической политики государства должно было стать не обеспечение какого-либо «целевого уровня» занятости за счет большей или меньшей инфляции, а поддержание стабильности того и другого.

Все это – хорошо известные теоретические положения, авторы которых уже не первый раз отмечаются Нобелевской премией. Упомянутые выше Р. Лукас и Ф. Кидланд с Э. Прескоттом на самом деле развили на формализованном уровне логику Фридмена и Фелпса (исследуя рациональные ожидания и объясняя преимущества стабильных правил экономической политики). Поэтому вряд ли имеет смысл освещать здесь выводы и практические рекомендации новой макроэкономики более подробно. Стоит лишь отметить, что на практике задача достижения компромисса в выборе между инфляцией и безработицей все-таки не была полностью отвергнута. Например, монетарная власть США в эпоху Алана Гринспэна обеспечивала поддержание занятости за счет некоторого роста инфляции в рамках неявного двустороннего коридора. Однако такая гибкая политика стала возможной во многом благодаря стабилизации долговременных инфляционных ожиданий к началу 90-х годов.

Интеллектуальная свобода

Несмотря на внешнюю близость позиций с Фридменом, сам Фелпс не был и не является монетаристом – ни по образу мыслей, ни по основным предметам своих исследований. Его критика кейнсианства отличалась большей научной строгостью и меньшей идеологической и политической ангажированностью. На протяжении последующих лет в центре его интересов был рынок труда с присущими ему несовершенствами. Фелпс изучал причины жесткости заработной платы, структурной безработицы и ограниченной мобильности трудовых ресурсов. Он также исследовал микроэкономические и структурные факторы, объясняющие сдвиги естественного уровня безработицы.

Занимаясь подобными вопросами, Э. Фелпс оказался одним из основоположников новокейнсианской школы, возникшей в 80-е годы. В отличие от старого неокейнсианства

образца 50-60-х годов, это направление основано на прочном микроэкономическом фундаменте индивидуальной рациональности. В отличие от неоклассической школы и новой макроэкономики новое кейнсианство делает упор на несовершенствах рыночных механизмов. В этом смысле рынки труда (а также капитала) дают больше всего примеров неэффективности и несостоятельности. При таком подходе выводы и политические рекомендации основываются не на идеологических установках, а на реалистических предположениях о рыночной системе. Разумеется, они не сводятся к простым и однозначным решениям в соответствии с абстрактными формулами типа «максимума экономической свободы».

В этой связи можно наблюдать парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию. Фелпс явился одним из основоположников неоконсервативной революции в экономической теории и политике 80-х годов. Однако на сегодняшний день он оказался в рядах последовательных противников радикального неолиберализма в духе «экономики предложения», лежащей в основе налоговых новаций администрации Буша-младшего. Речь вовсе не идет о перерождении или эволюция взглядов ученого, а скорее о проявлении его интеллектуальной свободы от всякой идеологии, будь то дирижизм или неолиберализм. Меры по стимулированию предложения, предпринятые Бушем, критикуются Фелпсом с тех же научных позиций, с каких он критиковал 40 лет назад кейнсианские рецепты управления спросом.

В частности, анализируя возможные последствия снижения налога на труд (известного у нас как ЕСН), Фелпс в соавторстве с Лоуренсом Саммерсом обосновал неэффективность такого шага для снижения безработицы, по-прежнему очень высокой во многих развитых странах. Перманентное снижение уровня налоговой нагрузки оказывает лишь краткосрочное стимулирующее воздействие на занятость, но по ряду причин долговременный эффект оказывается незначимым. Это подтверждается данными по выборке развитых стран, демонстрирующими полное отсутствие корреляции между уровнем налога на труд и занятости. В любом случае нужно просчитывать все побочные последствия налоговых новаций – на этом Фелпс не перестает настаивать. Еще в начале первого срока Буша он предупреждал, что сокращение налогов приведет к потребительскому буму и дефициту платежного баланса США, не говоря уже о непомерном росте долговой нагрузки.

Среди либеральных экономистов принято считать любые субсидии предприятиям нежелательным и неэффективным методом государственного регулирования. Однако Фелпс не так давно предложил использовать субсидии (в форме налогового кредита) фирмам за найм низкооплачиваемых работников. Это позволило бы сэкономить

государственные расходы на пособия по безработице и устранить структурные перекосы на рынке труда, особенно характерные для Европы. Пособия обеспечивают более или менее приемлемый уровень существования, но не решают проблему вовлеченности человека в жизнь общества. Для Фелпса же эта проблема имеет первостепенное значение.

Естественный уровень занятости и экономический рост

Многолетние исследования естественного уровня занятости привели Э. Фелпса к смещению акцентов и довольно интересным выводам. Данный уровень важен не только и не столько для решения дилеммы макроэкономической политики, о которой говорилось выше. В контексте антициклического управления естественный уровень определяется в связи с краткосрочной ситуацией на рынке труда и набором структурных факторов: предложением рабочей силы, издержками поиска работы, информационной прозрачностью рынка, уровнями пособий и другими институциональными условиями.

В контексте же стратегии долговременного роста естественный уровень занятости характеризует потенциал развития экономики. Фелпс объясняет это следующим образом. Решения о создании новых рабочих мест принимаются на основе оценки перспектив роста продуктивности и прибыльности. Чем они лучше, тем выше долговременный естественный уровень занятости. Перспективы роста отражаются рыночной стоимостью активов, которыми располагают фирмы, создающие рабочие места. Поэтому существует положительная долговременная связь между уровнем занятости и динамикой финансовых рынков. Например, подъемы фондовых рынков, имеющие фундаментальные основания, приводят к постепенному увеличению занятости. Такая связь ярко выражена для экономик с развитыми рыночными институтами, и существенно слабее в экономиках с доминированием корпоративных систем (финансово-промышленных групп, пользующихся государственными преференциями). К первой группе Фелпс относит англосаксонские страны и Голландию, ко второй – страны континентальной Европы и Японию.

Различия двух групп проявились в очередной раз во второй половине 90-х, когда начался инвестиционный бум, обусловленный глобальным технологическим сдвигом. Снижение естественного уровня безработицы в странах рыночного типа дало рост без инфляционных последствий (аналогично подъему в 50-60-х годов в ряде стран Европы). Кстати, это обстоятельство позволило Алану Гринспэну (помимо упомянутой выше долговременной стабилизации инфляционных ожиданий) пойти в середине 90-х годов на серьезное ослабление монетарной политики без риска вхождения в инфляционную

спираль. В то же время эффект снижения естественного уровня безработицы так и не проявился в странах корпоративного типа.

Фелпс признает наличие долговременных циклов роста продуктивности, описанных еще в начале 20 века Артуром Шпитгофом и Густавом Касселем (а также нашими соотечественниками М. Туган-Барановским и В. Кондратьевым). Долговременные изменения естественного уровня занятости лучше всего объясняются в рамках таких циклов и свидетельствуют о том, что конкретная экономика восприимчива к предоставляемым возможностям технологического прорыва. Но она может таковой и не быть, чему имеется немало примеров. Чтобы не упускать «бумы поколения», как называет сам Фелпс фазы долговременного подъема, современная экономика должна опираться на адекватную финансовую систему, работе которой не препятствуют корпоративные структуры и государственная бюрократия. Если таковая система отсутствует или не развита, то не поможет никакая макроэкономическая политика. Возможность «сесть в уходящий поезд» очередного глобального сдвига технологий и есть ключевой вопрос стратегии роста для любой экономики, включая Российскую. Как говорится, кто не успел, тот опоздал.

Трофимов Г. Ю.